

В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ УРОДА

если ты считаешь, что в твоей семье его нет
— значит, это ты

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарина Лис

В семье не без уroda

<https://litres.ru/74279807>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я всегда слышала от бабушки: «В семье не без уroda». Смеялась. А потом выросла и поняла: она была права.

Эта книга — сборник реальных историй. Про людей, которых в семье считают странными, неудобными или монстрами. Про тех, кто перестал быть удобным и за это поплатился. Про тех, кто ушёл от абыюзера и услышал «сама виновата». И про тех, кто сам ломал жизни других.

Здесь есть разное. Страшное и смешное. Жёсткое и трогательное. Вы будете злиться, улыбаться, а может, даже заплачете. Но главное — вы узнаете: вы не одни.

Каждая история — чей-то голос. Крик. Надежда. И, может быть, ваша.

Содержание

Введение	4
Часть 1. Неудобные.	7
Своя свадьба.	9
Дойная корова.	17
Сдала бабушку	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дарина Лис

В семье не без урода

Введение

С детства я слышала разные истории. По телевизору, от бабули на кухне, от тёток в очередях, от случайных попутчиков в поездах, и т.д. Про родственников. Про тех, кого любили. Про тех, кого в семье недолюбливали, стеснялись, а то и боялись. И бабуля моя, царство ей небесное, всегда говорила одно и то же:

— В семье не без урода. А если тебе кажется, что урода нет — значит, этот урод ты.

Я тогда смеялась. Считала эту фразу не очень хорошей. Обидной что ли.

А когда выросла — поняла. Она была права. Абсолютно. И слова её были мудрыми, хоть и жёсткими.

Я работала с людьми. Много, по-разному, в разных местах. И почему-то люди мне всегда доверяли. Рассказывали разное. Иногда — смешное до слёз, до колик в животе. Иногда — страшное. До мурашек, до желания обнять человека и сказать: «Ты тут ни при чём». А иногда смотришь на человека и думаешь: ты всё делаешь правильно. Не останавливайся. Рассказывали про то, как становились изгоями, про-

сто сказав «нет». Про то, как их же родные люди — мамы, папы, братья, сёстры, любимые бабушки — вытирали об них ноги, садились на шею, а потом удивлялись, почему те ушли. А иногда — про настоящих монстров. Про тех, с кем и враги не нужны. Потому что враг — он за дверью. А этот — за одним столом, с одной фамилией в паспорте.

Я записывала. Аккуратно, по чуть-чуть. В блокнотик, в телефон, на салфетки в кафе. Каждый раз спрашивала разрешения — можно? Я изменю имена, уберу детали, город, возраст, всё, что может выдать. Добавлю чуть иронии, но оставлю главное.

Я хочу донести до других людей: вы такие не одни.

А возможно, кто-то прочитает, увидит себя и поймёт, что делал очень больно своим близким.

Предупреждение

В этой книге собраны реальные истории о том, что происходит в семьях, когда любовь превращается в контроль, забота — в насилие, а родство — в оружие.

Некоторые главы содержат описания:

- физического, психологического и сексуального насилия,
- наркозависимости и связанных с ней последствий,
- эксплуатации детей и распространения материалов,
- манипуляций, жестокости и предательства со стороны близких людей.

Я не стремилась шокировать. Я хотела показать то, о чём

часто молчат. Чтобы тот, кто проходит через подобное, знал: он не один. А тот, кто не сталкивался, — понимал, как это выглядит со стороны.

Если вам сейчас трудно читать о таких вещах — берегите себя. Вы можете пропустить некоторые истории или вернуться к ним позже. Книга никуда не убежит.

А если вы узнали в этих историях себя или кого-то из близких — знайте: вы имеете право на свои границы, на свою жизнь и на своё «нет». Даже если вам говорят обратное.

С любовью и уважением,
автор.

Часть 1. Неудобные.

Кто же такие неудобные?

Понятие «неудобные люди» — штука субъективная. Обычно так называют тех, чьё поведение, манера общения или жизненные принципы вызывают у окружающих лёгкое, а иногда и не очень, раздражение. Ну, знаете, как соседская музыка за стеной в два часа ночи. Только вместо музыки — ты сам.

С одной стороны, «неудобным» могут назвать человека, который не боится быть собой. Он не подстраивается под чужие ожидания, не скрывает своих мыслей и чувств, даже если это идёт вразрез с общепринятыми нормами. Он остаётся верен себе — и это иногда воспринимается как «наглость», «конфликтность» или, что страшнее, «ты думаешь, что лучше нас». А ещё он чётко обозначает свои границы. Не терпит, когда ими злоупотребляют, хамят или пытаются манипулировать. И при этом не обязательно агрессивен — просто не позволяет собой помыкать. И вот за это его уже считают неудобным. Потому что удобный человек — он как мягкий диван: на него можно сесть, можно лечь, можно поставить ноги, и он не возражает. А этот — возмущается.

В этой части вы познакомитесь с историями реальных людей. Тех, кто перестал быть удобным для своих семей. Кто не давал в долг, не приезжал на праздники, кто умел говорить

«нет». И за это их называли странными, эгоистами, предателями. Для семьи они стали «уродами».

Сможете ли вы их понять? Или скажете: «ну, сами виноваты»? Решать вам. Но помните: иногда быть «уродом» — это единственный способ сохранить себя. И, возможно, единственный способ не сойти с ума от попыток быть хорошим для всех.

Своя свадьба.

Константин и Милана сидели на кухне своего дома. Вечер за окном был тёплый, с капельками дождя по стеклу. На полу, у ног, спали доберман по кличке Рика и французский бульдог Тошка. Доберман — важно, умно, будто охраняла покой. Бульдог — похрапывал и дёргал лапой во сне. Константин заварил свежий чай, Милана достала печенье.

— Ну что, — сказал он. — Подали.

— Подали, — улыбнулась она.

Они только что вернулись из ЗАГСа. Заявление оставили. Теперь оставалось ждать месяц и сообщить родственникам.

— Кому первому звоним? — спросил Константин.

— Маме, — сразу ответила Милана. — Она обрадуется.

Мама Миланы жила в другом городе — дочь приехала в Пермь учиться, да так и осталась. Мама не давила, не требовала, просто иногда звонила и спрашивала: «Ну как там мои девочки?». Милана забрала Рiku с собой, та была ещё щенком, так что «девочек» было двое — дочь и собака.

— Мам, привет. У нас новость. Мы с Костей решили пожениться.

— Ой, солнышко! — голос у мамы стал тёплым, почти мурлыкающим. — Когда?

— Через месяц. Мы уже подали заявление. Мы хотим просто позвать родителей, родных братьев и сестёр и самых

близких друзей. Без пышностей. А деньги, которые могли бы потратить на свадьбу, оставим на путешествие.

Мама помолчала секунду, потом сказала спокойно и твёрдо:

— Ну, как вы хотите, так и будет. Это ваша свадьба. Я приеду и порадуюсь за вас. Главное, чтобы вы счастливы были.

— Спасибо, мам.

— Не за что, солнышко. Пирожки я всё равно испеку. Свой-то традиции никуда не денутся.

Милана положила трубку.

— Твоя мама просто золото, — сказал Константин.

— Знаю, — улыбнулась Милана. — Теперь твои.

Родители Константина жили в том же городе, на другой стороне Перми. Молодожёны приехали к ним в гости на следующий день. С тортом. И с большими ожиданиями.

— Сынок, мы, конечно, рады, но вы уверены, что не спешите? — спросила Галина Петровна, прищурившись.

— Мам, да, уверены.

— Ну, тогда я очень рада, — она начала обнимать. — Рассказывайте, что планируете?

— Мы хотим расписаться в узком кругу, — сказал Константин. — Только самые близкие. А деньги оставим на путешествие.

— Как это — в узком кругу? — Галина Петровна поставила торт на стол и села напротив. — А родственники? А

друзья? Что люди подумают?

— Мам, мы не хотим пышную свадьбу.

— Костя, ты женишься второй раз, — Галина Петровна повернулась к Милане. — А она первый. Милана, солнышко, ты что, не хочешь нормальную свадьбу? Платье, фату, гостей?

— Не хочу, — спокойно ответила Милана. И добавила, чтобы сразу было понятно: — Я никогда не хотела пышной свадьбы. Сколько себя помню.

— Ну как же? — Галина Петровна растерялась. — Мы хотим как лучше. Мы вам поможем деньгами, организуем всё. Стол накроем, гостей позовём. Это ведь праздник, он раз в жизни!

— Мам, для нас праздник — это мы вдвоём и море.

— А мы? — голос Галины Петровны дрогнул.

Отец Константина, Николай Иванович, до этого молчавший, положил руку на плечо жены.

— Галь, отстань от детей. Они сами решат.

— Но мы же хотим как лучше!

— Знаю, — вздохнул он. — Но лучше, по-моему, чтобы они были счастливы.

Галина Петровна замолчала, поджала губы. По лицу было видно, что она не согласна, но спорить при муже не стала.

Николай Иванович посмотрел на сына и Милану.

— Ну, если вы так решили — молодцы. Пусть будет так. Только не жалейте потом.

— Не будем, пап.

— Ну и ладно. Давайте чай пить, а то торт уже заждался.

Чай пили, торт ели, разговор свернул на другое. Но осадок остался.

А потом начали звонить родственники.

Сначала по телефону, потом через маму Константина передавали.

Тётя Валя, двоюродная сестра Галины Петровны, позвонила сама. Голос у неё был обиженный, как будто её обокрали.

— Костя, а нас что, не позовёте? Мы столько лет вместе, а теперь — в пролёте?

— Тётъ Валь, мы только родителей и братьев с сёстрами. Очень узкий круг.

— Ну, мы же не чужие! Я твоя тётка вообще-то!

— Тётъ Валь, простите, мы так решили.

— Ну, как знаете, — сказала она и повесила трубку. Потом позвонил дядя Серёжа, брат отца.

— Кость, ну ты чего? Я понимаю, молодые, своя жизнь. Но обижать стариков нехорошо.

— Дядь Серёж, мы не обижаем. Просто хотим тихо.

— Тихо — это хорошо. Но без нас как-то... не по-родственному.

Константин молчал. Что тут скажешь?

Дядя Серёжа тоже вздохнул и положил трубку.

Позвонила тётя Миланы — мамина сестра, которая жила

в соседнем городе. У неё был звонкий, командный голос.

— Милана! Я требую, чтобы у тебя была пышная свадьба! Я хочу, чтобы ты была как принцесса! Я хочу видеть тебя в красивом платье, с фатой, чтобы гости, чтобы танцы!

— Тётя, — Милана говорила спокойно, как с капризным ребёнком. — Я не хочу этого. И сколько себя помню, никогда не хотела.

— Ах, никогда не хотела! Эгоистка! — заявила тётя и бросила трубку.

Милана положила телефон на стол, погладила Тошкину морду. Он даже не проснулся.

— Ну что? — спросил Константин.

— Всё нормально. Главные бои позади.

— Мама молчит. Но это не значит, что она согласна. Просто выжидает.

— Чего?

— Наверное, надеется, что мы передумаем.

Через неделю позвонила сама Галина Петровна. Голос у неё был не злой, а скорее уставший.

— Костя, ну объясни мне, почему вы не хотите позвать всех? Мы поможем деньгами, родственники обижаются. Неудобно перед людьми.

— Мам, мы не хотим большой свадьбы. Это наше решение.

— А о нас вы подумали? О том, как нам неудобно перед людьми? Ну найдём место для наших родственников.

— Мам, а вы подумали о том, что мы устали от «как надо» и «чтобы не хуже, чем у людей»? И вообще, собрать всех наших «близких» родственников — это уже пятьдесят человек. Это не узкий круг, это целый ресторан.

Галина Петровна замолчала. Долго.

— Ты прав, — сказала она наконец. — Мы хотим как лучше.

— А получилось как всегда, — усмехнулся Константин.

— Не зли мать.

— Не злю. Просто прошу уважать наш выбор.

— Хорошо, — Галина Петровна вздохнула. — Я постараюсь.

— Спасибо, мам.

— Не за что. Может, помочь чем?

— Лучше просто порадуйся за нас, мам. И не переживай. Мы справимся.

Они ещё немного поговорили о путешествии, о погоде, о собаках. Галина Петровна спросила, накормлен ли Тошка (он всегда был голодный), и положила трубку уже без тяжелого вздоха.

Константин посмотрел на Милану.

— Кажется, она начала понимать.

— Или просто устала спорить.

— Тоже результат.

Свадьба прошла тихо, как и хотели. В ЗАГСе — только близкие: родители, старший брат Миланы (который поддер-

жал и подарил им путёвку на море), сёстры Константина, пара близких друзей. Потом — уютный семейный ужин в тёплой беседке во дворе.

Собаки сидели рядом и ждали подачек. Рика вела себя достойно, Тошка пытался украсть печенье со стола. Ему это почти удалось, но Константин вовремя перехватил.

Николай Иванович произнёс короткий тост:

— За то, чтобы дети не боялись отстаивать своё мнение и быть неудобными. Иногда это важнее, чем быть правильными.

Галина Петровна промолчала, но явно приняла выбор и решение молодых. Она даже улыбнулась, когда Милана обняла её и сказала:

— Спасибо, что поняли.

А потом Константин и Милана улетели в путешествие. Две недели моря, солнца, тишины.

На обратном пути Милана включила телефон. Пришло сообщение от мамы: «Пирожки ждут. И собаки соскучились». От родственников — поздравления. Даже от тёти Вали и дяди Серёжи. Без обид, без упрёков.

— Смотри, — показала Милана Константину. — Никто не умер.

— Даже обиженные выжили, — улыбнулся он.

«Своя жизнь — свои правила. Своя свадьба — своя свадьба. Не надо бояться, что кто-то подумает не так. Не надо тратить деньги и нервы на то, что не приносит радости. Род-

ственники переживут. Обиженные выживут. А у вас останутся воспоминания о том, как вы сделали по-своему — и не пожалели.»

Дойная корова.

Катя с детства была целеустремлённой. Не из тех, кто грызёт гранит науки с утра до ночи, но из тех, кто знает, чего хочет. А хотела она простого: добиться успеха и жить так, чтобы ни в чём себе не отказывать. Звучит эгоистично? Возможно. Но она вкалывала. Училась, работала, копила, отказывала себе в мелочах, чтобы потом позволить больше. Выросла, устроилась в хорошую компанию, а потом открыла свой салон по грумингу животных.

Дело пошло. Катя выдохнула: получилось.

А потом начались «семейные проблемы». Родственники превратились в чаек: сначала просто кружили рядом, потом всё наглее — «дай, дай, дай, дай, дай».

Сначала по мелочи: «Катюш, перехватить до зарплаты», потом уже серьёзно: «на ремонт машины», «на развитие бизнеса», «на операцию собаке троюродной тёти». Катя даже не заметила, как из любимой племянницы и дочери превратилась в дойную корову. С той разницей, что корову хотя бы кормят и не обижают. А её — доили и удивлялись, почему она мычит неблагодарно.

И вот очередное застолье. День рождения тёти Веры. Стол ломится от салатов, все шумят, наливают, закусывают, кто-то уже поёт под караоке. Катя сидит в углу, улыбается, но кожей чувствует — сегодня будут просить. И уже жалеет, что

приехала. Тётя Вера поглядывает на неё так, будто Катя — это ходячий банкомат с лапками. Двоюродный брат, сын тёти Веры, стыдливо отводит глаза, но нет-нет, да и стрельнёт взглядом — мол, может, даст денег?

А мама... мама как-то слишком часто гладит Катю по руке и вздыхает.

И тут мама отводит её на кухню. Говорит шёпотом, хотя вокруг никого:

— Катюш, у тёти Веры беда. Крыша потекла, деньги нужны. Ты же не откажешь?

Катя молчит.

Мама давит: — Ты одна в семье нормально зарабатываешь. Ну помоги, мы же родственники, мы должны помогать.

Слово «должны» она произносит с особым нажимом. И вот тут Катя делает шаг, который разделит жизнь на «до» и «после». Говорит тихо, но твёрдо:

— Мам, я в прошлом месяце давала тёте на ремонт машины. В позапрошлом — брату на «развитие бизнеса». Мне никто ничего не вернул. У меня тоже есть свои цели и желания. Поэтому благотворительностью я больше не занимаюсь. Только под расписку у нотариуса.

Мама застывает. Лицо вытягивается, потом краснеет, потом меняется окончательно: — Ты что? Какой нотариус? Мы же близкие люди! Тебе помочь родственникам сложно? Мы же семья! Мы всегда друг другу помогали!

— Мам, я помогу. Но не деньгами. И вообще... как я до-

билась успеха, вы хоть раз спросили? Как я? Нет. Вы звонили и писали только чтобы взять деньги.

Мама открывает рот, потом закрывает. Потом выдаёт:

— Неблагодарная! Мы тебя растили, кормили, а ты теперь нос воротишь! Пошла отсюда!

Катя молча берёт сумку и уходит.

Первой подала голос, тётя.

— Нет, ну вы видели? Видели, как она нос воротит? «Нотариус», «расписка»! — передразнивает она писклявым голосом.

— Стала богатая — сразу зазналась. А я её, между прочим, на руках носила, памперсы меняла, а она.

Брат поддакивает, намазывая бутерброд с икрой — той самой, которую Катя привезла в прошлый раз:

— Блин, да куда ей столько денег? Одному человеку столько не нужно.

Бабушка, которая всегда всё знала, добавляет веское слово, прихлёбывая чай:

— А я говорила. Я всегда говорила: неблагодарная растёт. Вся в отца, тот тоже такой был. Себе на уме, никого вокруг не замечал. Помяните моё слово, она ещё попросит помощи.

Мама молчит. Но взгляд у неё тяжёлый, осуждающий. Она смотрит в одну точку, и видно, как внутри неё всё кипит. Наконец выдавливает:

— Я ей жизнь дала. Ночами не спала. Роды тяжёлые были... А она... Ушла. Просто взяла и ушла. И даже не оберну-

лась.

Катя стала врагом, даже не сказав никому грубого слова. Потом, конечно, было ещё пару попыток взять деньги.

Катя отвечала коротко: «Нет» или «Только через нотариуса».

После третьего отказа её перестали звать на семейные праздники. В мессенджере — тишина. Если встречаются случайно на улице — здороваются сквозь зубы. Мама при редких встречах вздыхает и говорит:

— Ты сама виновата. Помогла бы — и всё нормально было бы. Родственники ведь, это неправильно мы должны общаться и помогать.

Катя молчит. Ей тяжело, что мама не общается. Иногда по ночам она даёт слабину:

«Может, помочь? Может, буду общаться, раз уж я теперь без родственников?» Но потом, случай в супермаркете добивает её окончательно. Катя встречает тётю Веру в очереди на кассу. Та делает вид, что не замечает. А потом громко, на весь зал, говорит подруге:

— Вот, смотри, племянница моя. Богатая, а родной тётке на ремонт не дала. Сволочь неблагодарная.

У Кати дрожат руки, в горле ком. Но она не оборачивается. Потому что если обернётся — либо расплачется, либо скажет то, о чём потом пожалеет.

Вечером она сидит на балконе, пьёт остывший чай с мятой, смотрит в темноту, думает: «Я правда плохая? Или про-

сто перестала быть удобной?»

Тут звонит телефон. Будущий муж, психолог. Она рассказывает, о случае в супермаркете, о своих мыслях. Он молчит, потом говорит:

— Ты всё правильно делаешь, я рядом, я с тобой. Мы справимся.

Мы встретились с Катей через пару лет. Сидели на лавочке у моря, пили кофе из бумажных стаканчиков. Я спросила:

— Ты жалеешь?

Она усмехнулась.

— Знаешь, когда ты перестаёшь быть удобной — ты сразу автоматически становишься плохой. А я просто перестала быть дойной коровой. Знаешь, сколько мы с мужем за эти годы «подарили» родственникам? Почти миллион. Мы копили на дом, на машину, а они просто брали. И даже не собирались отдавать. Она помолчала, глядя на волны.

— А сейчас я впервые за долгое время выдохнула. И окончательно поняла, что сделала всё правильно. Потому что мы наконец-то купили свой дом.

Сдала бабушку

Марина, 35 лет. Работает, замужем, двое детей. Квартира в ипотеку, садик, школа, спорт, кружки — всё как у большинства людей. Муж — патологоанатом, работает сутками, иногда валится с ног, но держится. У них няня, которая возит детей на тренировки и кружки, готовит им еду — потому что Марина просто физически не успевает.

А ещё есть бабушка. 75 лет. Живёт одна в своей двушке. Давление скачет, ножки еле ходят, но в остальном — бодрячком. Для своего возраста она вообще молодец.

Мама Марины умерла десять лет назад, поэтому основная забота о бабушке легла на неё.

Тётя (сестра матери) живёт в другом городе. На праздники присылает открытки с котиками. Последний раз была в их городе на похоронах сестры.

Двоюродный брат (сын тёти) вообще забыл, как бабушка выглядит, но периодически звонит и говорит: «Если что — звони».

Три раза в неделю Марина после работы едет к бабушке. Чаще просто физически не может — работа, дети, спорт, няня уже на пределе, и так каждый день как белка в колесе. Приезжает, проверяет, закупает продукты, убирает, моет, разговаривает. У неё нет выходных.

Она предлагала бабушке переехать к ним. Бабушка ка-

призначает:

— Это мой родной дом, я тут всё знаю, мы тут с Колей жили... Да и места у вас мало.

— Ба, ну давай мы тебе купим квартиру в нашем доме? Мы чаще заходить будем.

— Не хочу.

Марина вздыхает. Спорить бесполезно.

Раз в месяц звонит двоюродный брат. Разговор всегда один и тот же:

— Ну как там бабушка? Держится?

— Держится. Тяжело ей.

— Ты смотри, если что — звони. Мы поможем.

— Помоги деньгами. Сиделку нанять.

— Ой, ну ты же понимаешь, у нас свои расходы... Но ты держись!

Вспоминается фраза одного известного политика: «Денег нет, но вы держитесь».

А потом звонок, от которого всё покатилося в бездну: бабушка упала. Сломала шейку бедра.

Больница, операция, реабилитация. Марина берёт отпуск за свой счёт, сидит в палате, бегаёт за врачами, сдаёт анализы, кормит с ложечки. Муж помогает чем может.

Тётя звонит раз в неделю:

— Как она? Держи нас в курсе.

Брат прислал 1000 рублей и написал: «На цветы бабуле». Марина прочитала и засмеялась. Потом заплакала.

Врач вызывает на разговор:

— Ей нужен круглосуточный уход. Сами вы не справитесь, я понимаю, как это тяжело. Я знаю хороший пансионат. Поверьте, там бабушке будет лучше.

Марина сомневается. Это же как ребёнка в детдом сдать, думает она. Она начинает думать и считать бюджет: ипотека, дети, расходы, няня. Если отказаться от отпуска на год и брать работу на дом — потянет. Если уволиться и сидеть с бабушкой самой — потерять половину дохода, отказаться от няни, и денег перестанет хватать. Лекарства, уход, памперсы, врачи — это всё большие деньги.

Она создаёт общий чат с родственниками. Пишет о состоянии бабушки, спрашивает, может ли кто-то посидеть с ней? Помочь?

Её игнорят.

Марина принимает решение. Едет смотреть пансионат. Частный, чистый, стерильный. Еда хорошая, медсёстры отзывчивые, врачи, уход, отдельная палата с телевизором.

Рассказывает мужу. Он говорит:

— Я поддерживаю любое твоё решение. Но если этот пансионат действительно хороший — почему нет? Ты сможешь так же ездить три раза в неделю. Да и родственники, может, будут навещать.

Марина забирает бабушку из больницы и везёт в пансионат. Бабушка сначала не понимает, куда они едут. А потом, когда видит здание и людей в халатах, сжимается и говорит

со слезами:

— Ты ведь меня не бросаешь?

У Марины ком в горле. Она глотает, сглатывает, снова глотает.

— Ба, тут тебе будет лучше. Тут врачи, уход. Я буду приезжать три раза в неделю, как и раньше. Обещаю.

Бабушка молчит. Смотрит в окно машины. Потом тихо:

— Я понимаю, солнышко. Так надо. Да и тут такие же старики, как я, — не скучно будет. Но... если вдруг меня будут обижать — ты обещай, что заберёшь.

Марина сжимает её руку:

— Обещаю.

Она выходит на улицу, садится в машину и ревёт. Не просто плачет — ревёт в голос, уткнувшись в руль. Ей кажется, что она предала самого родного человека. Что теперь она навсегда останется для себя «той, кто сдал бабушку». Что внутри теперь будет жить это чувство — липкое, тяжёлое, противное. Она вытирает слёзы, заводит машину и едет домой. Потому что надо. Потому что дети. Потому что, надо работать.

Вечером Марина пишет в общий чат — тёте, брату, ещё каким-то дальним родственникам, которые раз в год напоминают о себе открытками. Отправляет адрес и сайт пансионата:

— Бабушка здесь. Можете навещать. Я оплачиваю всё сама. Но прошу вас — хотя бы навещайте её.

И тут начинается...

Тётя первой записала голосовое:

— Ты что, с ума сошла? Сдать родную бабуку в богадельню? Мы таких позоров не знали! Мать бы твоя, царство небесное, перевернулась в гробу!

Брат подхватывает:

— Блин, ну не могла ты сама взять, сказала бы нам — мы бы бабушку к себе забрали!

Марина печатает спокойно. Очень спокойно. Так спокойно, как умеют только люди, которые уже всё для себя решили:

— Вы помогали? Ты, брат, за три года бабушку ни разу не навестил. Тётя, ты приезжала раз десять лет назад. Кто бабушку мыл, кормил, в больнице сидел? Я. Лекарства покупала — я. Кто вас в курсе держал? Я. Вы даже сами ей не звонили, хотя я номера давала.

Тишина в чате на минуту. Потом тётя

— Бабушка там умрёт без нас! Ты её убиваешь!

Марина закрывает чат. Потом пишет последнее сообщение и выключает уведомления:

— Кто хочет навещать — адрес выше, если хотите, можете забрать бабушку себе.

Проходит полгода.

Марина ездит к бабушке три раза в неделю. Бабушка уже привыкла. Больше того — ей там нравится.

— Тут кормят хорошо, — говорит она. — И медсёстры

ласковые. А у меня, знаешь, даже жених появился!

Врачи поставили бабушку на ноги — насколько это возможно. Теперь она ездит в инвалидной коляске, но активно, с ветерком. В пансионате сделали кружок рисования — бабушка увлеклась, хвастается рисунками.

Марина предложила:

— Ба, хочешь, я тебя заберу домой?

Бабушка посмотрела на неё как на сумасшедшую:

— Зачем? Тут мои подруги, жених, рисование. И уход круглосуточный. Не выдумывай.

Марина выдохнула. Она точно знала, что сделала всё правильно.

Я как-то спросила Марину:

— Тяжело?

Она усмехнулась. Не зло, а устало-мудро, как умеют только люди, которые прошли через это и остались людьми:

— Знаешь, Дарин, самое смешное, что они все считают себя лучше меня. При этом никто из них даже палец о палец не ударил. Никто не приехал, никто не предложил забрать бабушку к себе, никто не прислал денег больше, чем тысячу рублей «на цветочки». Но осуждать, выставять меня плохой — это они умеют. Это да.

Она помолчала минуту, потом добавила.

— А знаешь, что самое забавное? Моя бабушка на старости лет счастлива. Я давно не видела её такой счастливой. Она сыта. У неё появились подруги, жених, рисование. Пред-

ставляешь, у них там даже дискотеки есть! В 75 лет — дискотеки! И уход 24/7.

— Знаешь, в чём главная ирония? Они до сих пор обсуждают меня при встрече. «Сдала бабуку», «мы бы никогда», «пусть и её дети её сдадут». А мне всё равно. Потому что я знаю: я сделала всё, что могла. И даже больше.

Я спросила тихо:

— И что ты чувствуешь?

Она докурила, затушила сигарету, посмотрела на меня. Спокойно. Устало. Светло.

— Свободу. Я чувствую свободу. И моя бабушка счастлива. Всё остальное — п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.